

Генерал Диин знал этого маленького Проводника? Энтони внутренне удивился, но его лицо осталось непроницаемым:

— Генерал, если я не ошибаюсь, он, вероятно, пробудил свои способности во время теста.

Диин махнул рукой, явно потеряв интерес к разговору.

— Энтони, спасибо большое, до свидания.

Поблагодарив, Диин отключил голограмму. Он откинулся на спинку кресла, с раздражением потер виски и закрыл глаза. Ему казалось, что в воздухе витает знакомый, но желанный аромат.

Хуа Е получил письмо о зачислении в Имперскую академию Проводников. Его первой реакцией был вопрос, можно ли взять с собой семью. Ответ пришел быстро: только один человек, и это должен быть законный близкий родственник. Если сделать исключение, это может вызвать волну миграции.

Папа Хуа выключил коммуникатор:

— Сын, ты же без гражданства, у тебя нет документов, какие у тебя могут быть родственники?

Его голос стал твердым.

— И я никогда больше не ступлю на Имперскую звезду.

Свет в глазах Хуа Е погас, он опустил голову. Папа Хуа похлопал его по голове и начал собирать вещи.

Хуа Е подошел к двери комнаты и увидел, как Папа Хуа, стоя спиной, кладет в чемодан свои записки, которые копил годами. Его одежда была старой, выцветшей от многочисленных стирок, и теперь висела на нем, делая тело еще более худым. Хуа Е думал, что если бы Папа Хуа оказался на ветру, его бы сразу снесло.

Много лет назад у Хуа Е была мечта: когда он вырастет, он обязательно сделает Папу Хуа сильным и здоровым. Но чем больше он старался, тем хуже становилось.

— Старик, я не поеду на Имперскую звезду, — сказал Хуа Е, стоя в дверях и глядя на занятого Папу Хуа.

Папа Хуа замер, его лицо на мгновение застыло.

— Сын, ты с ума сошел? — Папа Хуа встал и посмотрел на Хуа Е.

Хуа Е сжал губы, но упрямо смотрел на него.

— Сын, Имперская звезда — это совсем другой мир, не то что Звезда Деревянного Карлика. Там есть флаеры, роботы, компьютеры — это настоящий технологический мир. Ты сможешь сидеть дома и решать все с помощью одного компьютера, — серьезно сказал Папа Хуа.

— Старик, почему ты вернулся с Имперской звезды? — спросил Хуа Е, задавая вопрос, который давно его мучил. Семья Хуа не раз упоминала об этом, а Папа Хуа всегда отшучивался, но Хуа Е знал, что здесь что-то не так.

Его глаза пристально смотрели на Папу Хуа. Тот, казалось, вспомнил что-то болезненное, его и без того бледное лицо стало еще блее, в глазах мелькнула тень, и он на мгновение замолчал.

Хуа Е почувствовал, как сердце сжалось, и быстро сказал:

— Я не поеду на Имперскую звезду. Там я никого не знаю, ничего не понимаю, и меня будут смеяться. Это будет ужасно.

Папа Хуа погладил Хуа Е по голове:

— Сын, ты что, не можешь расстаться со мной? Тебе уже пятнадцать, скоро шестнадцать, а ты все еще как маленький ребенок, цепляешься за отца.

В его словах звучала досада, но тон был горделивым.

Хуа Е сердито посмотрел на Папу Хуа, подошел и начал вытаскивать вещи из чемодана. Папа Хуа вдруг схватил его за руку, пристально глядя в лицо, и сказал с необычной серьезностью:

— Сын, а если я настаиваю, чтобы ты поехал?

— Старик... — Хуа Е почувствовал себя беспомощным.

— Сын, когда я еще не покинул Звезду Деревянного Карлика, все относились ко мне хорошо, как к Хуа Линю. Но когда я вернулся, стал позором и потерял ценность, меня просто выбросили. Тогда я понял, что их доброта была основана только на моих способностях Проводника. Этот мир таков: сильные правят, а чувства становятся хрупкими. Поэтому, сын, ты должен доказать, что я не зря старался.

— Старик, если я уеду, кто будет заботиться о тебе? — Хуа Е протянул руку, касаясь взъерошенных волос Папы Хуа, и глупо спросил.

Папа Хуа вдруг засмеялся, и его бледное лицо порозовело.

— Сын, ты забыл, кто тебя вырастил, — улыбнулся Папа Хуа.

Хуа Е смотрел на него, не отрываясь:

— А твое здоровье...

— Это старое, я уже много лет с этим живу. К тому же Цзян Чу позаботится обо мне. Сын, я хочу, чтобы ты поехал на Имперскую звезду, и не только ради этого. Тебе уже пятнадцать, скоро станешь взрослым, и тебе пора жениться.

— ...

Хуа Е уставился на Папу Хуа пустым взглядом.

— Сын, больше десяти лет назад, еще до твоего рождения, я заключил для тебя брачный договор, — сказал Папа Хуа.

Хуа Е еще больше округлил глаза.

Длинные пальцы Папы Хуа задвигались на коммуникаторе, и через мгновение Хуа Е получил сообщение. Он попытался открыть его, но потребовался пароль.

— Сын, это тот самый брачный договор. Пароль из шести цифр, я знаю только последние три, а первые три находятся у моего друга. Когда ты приедешь на Имперскую звезду, найди человека по имени Анлиса. Он поймет, увидев это сообщение, — объяснил Папа Хуа.

Хуа Е, видя, что Папа Хуа говорит серьезно, наконец перестал смотреть пустым взглядом и выпрямился:

— Старик, ты говоришь правду, а не шутишь?

Папа Хуа сильно шлепнул Хуа Е по голове:

— Эту невесту ты должен обязательно привести. И на Имперской звезде не упоминай имя своего отца. Все, что я сказал сегодня, ты должен запомнить.

Хуа Е, потирая голову, кивнул. Папа Хуа продолжил собирать вещи.

Глядя на его спину, Хуа Е вспомнил, как много лет назад маленький он стоял у входа в переулок и смотрел, как Папа Хуа идет издалека. Папа Хуа не был высоким, но для Хуа Е он был всем. Он нес мешок с булочками, поднял маленького Хуа Е, и тот почувствовал, как будто летит, смеясь.

Хуа Е всегда помнил руки Папы Хуа — темные, покрытые шрамами. С детства у него был большой аппетит, а Папа Хуа, несмотря на слабое здоровье, рано уходил и поздно возвращался, чтобы заработать на этот мешок булочек, чтобы прокормить его.

Хуа Е вышел из комнаты, сел на порог и опустил голову, глядя на свои руки. Его кости были тонкими, руки маленькими, но покрытыми мозолями. Что он делал сейчас? Что он давал Папе Хуа? Он был шахтером, рано уходил и поздно возвращался, но его заработка не хватало даже на кусок мяса. Папа Хуа становился все хуже. Они по-прежнему жили на самом дне, их презирали, а детская мечта казалась все дальше.

Пятнадцатилетний подросток испытывал глубокую привязанность к земле, на которой вырос, и к своему единственному близкому человеку. Ему хотелось быть эгоистом, твердо сказать Папе Хуа, что он не уедет с Звезды Деревянного Карлика, что не может оставить его. Но какое право он имел быть эгоистом? Он не мог сделать Папу Хуа сильным, не мог заставить его гордиться, не мог унижить тех, кто их обижал. Он ничего не мог.

Имперская академия Проводников была шансом.

Если Папа Хуа хочет, чтобы он поехал, он поедет. И ту невесту, какова бы она ни была, он приведет, чтобы исполнить желание отца.

Звезда Деревянного Карлика не была последней остановкой для поисковой группы, но в последнее время на окраинах Империи происходили беспорядки, а время поступления новых Проводников приближалось, поэтому академия решила приостановить поиски и отозвать все группы.

Энтони и его напарник должны были покинуть Звезду Деревянного Карлика через два дня, взяв с собой Хуа Е.

День отъезда Хуа Е выдался ясным, в небе, редком для этих мест, проглядывала голубизну, которую Хуа Е видел только в детстве.

Папа Хуа стоял у входа, передавая Хуа Е огромный чемодан. Затем он достал из кармана черный мешочек и сунул его ему в руки:

— То, что здесь, нужно принимать раз в три месяца.

Закончив, Папа Хуа снова стал выглядеть сонным. На нем была белая рубашка, на ногах — тапочки, глаза едва открыты. Он потянулся и направился к кровати.

— Старик!

Хуа Е внезапно крикнул, заставив Папу Хуа остановиться и посмотреть на него.

<http://bllate.org/book/16890/1565957>